

ПАМЯТИ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА СОРОКИНА ПОСВЯЩАЕТСЯ

УДК 81

ББК 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-10-19

Эссе

«И ЭТО ВСЕ О НЕМ...»

Дмитрюк Наталья Васильевна

Южно-Казахстанский государственный педагогический университет

Аннотация

Предлагаемое эссе представляет собой воспоминания о Юрии Александровиче Сорокине, научном руководителе кандидатской диссертации автора в период ее обучения в аспирантуре, и сопровождается небольшой подборкой стихов Глеба Арсеньева (творческий псевдоним Ю.А. Сорокина).

Ключевые слова: Ю.А. Сорокин, этно-, психо-, социоллингвистика, ассоциативные реакции, неопсихоллингвистика, поэзия, верлибр, духовность

Человек есть то, что остаётся после него.

Китайская мудрость

Юрия Александровича Сорокина нет с нами вот уже почти двенадцать лет, и это время совсем не забвения: оно погружает нас в его мысли, предчувствия, обнаруживает его невероятную восприимчивость к переменам и парадоксам обновляющегося мира, открывает пронизательность и прогностическую ценность даже попутно брошенных реплик, высказываний, приоткрывает завесу в удивительно тонкий мир его необычной поэзии.

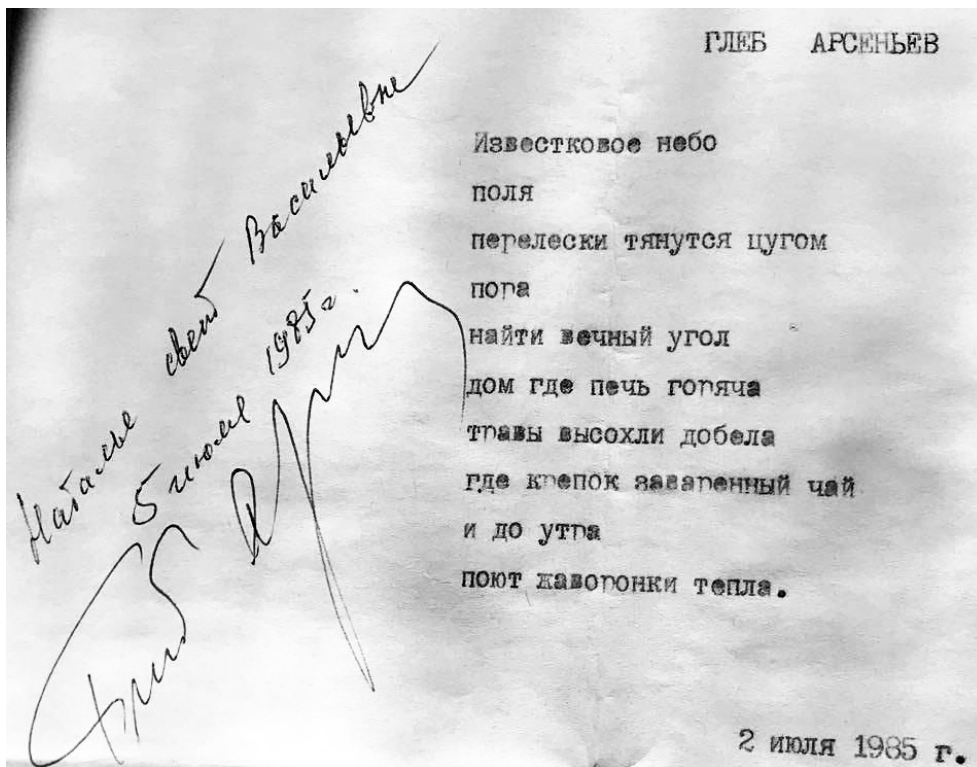
Юрий Александрович Сорокин, научный руководитель моей кандидатской, или ЮСо, как он сам иногда себя называл, был, кажется, глубоким интровертом, и за его внешней контактностью, легкой иронией, неподдельным интересом к собеседнику (всегда куча вопросов!) – абсолютно прочная завеса в свой личный мир, куда он редко кого впускал. Не терпел фальши, лицемерия, всегда был самим собой, прямолинеен и внутренне свободен, что выражалось и внешне, в стиле одежды («Юрик, сегодня у нас аттестация, ты хотя бы рубашку надел – что за футболка, нижнее белье какое-то!» – «Да нет, это верхнее белье, нижнее у меня джинсы»). Так ему было удобно. Удобно говорить то, что думаешь, удобно общаться с интересными ему людьми, удобно ходить с тяжеленным портфелем, битком набитым книгами, которые он читал, «проглатывал» удивительно быстро, и всегда находил что-то редкое, новое, успевал прочитывать, кажется, все, что выходило «свеженькое» в новых отраслях лингвистических знаний – на стыке наук этно-, психо-, социо-, мента-... и так далее лингвистики. Помните по четвергам книжную лавку между первым и вторым этажом Института языкознания? и ее хозяина Анатолия, который мог и на заказ разыскать и принести нужную редкую книгу? Пройти мимо и не купить ничего было просто невозможно – глаза разбегались и выхватывали и то, и другое, и третье... Юрий Александрович называл это «книжное лакомство», да еще устраивал проверочки: тянул за собой посмотреть новинки и подмигивал интригующе: «Идем, там как раз для тебя, по твоей теме! Ну, найди, найди!». И начинался квест: казалось, что всё это богатство – именно по моей теме, все пригодится, хватаешь все

подряд и под насмешливым взглядом «шефа» понимаешь – промахнулась, не увидела, пропустила! Добродушное «Эх, ты! С гегелевской «Феноменологией духа» ассоциации не возникло?», и Анатолий взглядом показывает – Валерий Подорога, «Феноменология тела». И мне нравилось, когда Юрий Александрович ругал меня балдой и лентяйкой – тоже знак определенной доверительности и сокращенной дистанции, и холодела, когда он переходил на «вы» и чеканил отрывисто: «Куда Вы дели единички? В них может быть очень важное, чего нельзя упустить! Что за обглоданные словарные статьи без единичных реакций?». И ведь как прав оказался! В свое время, может, стоило бы быть более внимательными и к одиночным, нетипичным ассоциациям, к тем болевым точкам, несущим угрозу и негатив, которые способны вызвать в нас протест или непонимание – об этом же сейчас напоминают И.А. Бубнова и В.В. Красных в своей «Неопсихолингвистике» (события на Украине, такой братской и дружественной, не один день назревали, а, тем не менее, эти процессы прошли для большинства не замеченными).

Юрий Александрович при всей своей цельности, непоколебимости взглядов и принципиальной позиции (а, может быть, и благодаря этому) сочетал в себе, казалось бы, противоречивые черты и свойства: сам из семьи староверов, в церковь не ходил, «попам» не верил, но всегда носил крест и знал про себя что-то такое, что мог ощущать только глубоко верующий человек. Мог быть резким и нетерпимым, не гнушался и крепкого меткого словечка – и был удивительно чуток к чужой боли, знал, как нужно помочь, и делал это с величайшим тактом, откуда-то брал, «считывал с подкорки» такие слова, которые только единственно и были нужны и уместны – спасибо, Учитель, за редкое чувство эмпатии, со-переживания, со-чувствия...

И этот дар интуиции, видения мира таким, какой не каждому открывается, наверное, свойственен только очень одаренным людям. И это, безусловно, дар духовный, дар свыше, дар поэтический, сродни озарению, которое посещало Юрия Александровича в другой духовной оболочке и для которой был выбран псевдоним Глеб Арсеньев. Это необычная поэзия, стихи сотканы, порой, из штрихов и черточек, из одного взгляда, из ощущений и предчувствий, иногда коротенькие, из одной строфы, иногда с необычной архитектурой внутреннего ритма – но всегда с некой загадкой из другого, необычного, нам незнакомого и такого притягательного мира. И «вход» в этот мир в наши аспирантские времена был открыт совсем не каждому, и тем дороже мне были эти листочки с распечатанными стихами, которые Юрий Александрович будто небрежно, но как бы из-под полы, негласно подкладывал мне между страниц моей диссертации. Мне-то доставался чаще всего почти нечитаемый пятый экземпляр копирки, отпечатанный на пишущей машинке, но я была невероятно счастлива и горда таким безусловным знаком доверительности. Некоторые стихи не всегда мне были понятны – своеобразный поток ощущений, цепочки слов, без знаков препинания, нечто сродни образцам «высокой моды», что вызывало трепет и ощущение иного бытия, напоминая Хлебникова и тот мир высокой поэзии, несколько утраченный и загадочный. Но было твердое убеждение – таким стихам, «как драгоценным винам», – придёт черед! И, кажется, он уже пришел: может быть, настало время для серьезных литературоведческих исследований поэтического творчества Глеба Арсеньева: ждем диссертаций, статей, очерков.

И если правда, что человек есть то, что остается после него, то Юрия Александровича со временем мы узнаём все больше, и не только перечитывая и цитируя его научные работы, но и открывая для себя его необычный поэтический мир.

Глеб Арсеньев

Стрекочет сорока в лесу
водит кого-то нечистый
качаются на весу
судьбы потаенные числа
21 июня 1985 г.

Непробудная жара
изнеможенье птиц
восковое позавчера
из-под изразцов и ресниц
июль 1985 г.

Еще цветет в Рублеве земляника
душен травостой и непугливы птицы
муравьи снуют своей тропой великой
тьнь сосновая смолится.
28 июня 1985 г.

Никуда не денешься
ополовинили жизнь
мы словно на мысе Дежнёва
вдосталь перед руками
кипящего жита
вдоволь за нами земли.

30 июня 1985 г.

Прохладное выдалось лето
не дожди в переулках
капли тяжкого клея
год кануна
солнечной лени
пепельного скарабея

1 июля 1985 г.

Известковое небо
поля
перелески тянутся цугом
пора
найти вечный угол
дом где печь горяча
травы высохли добела
где крепок заваренный чай
и до утра
поют жаворонки тепла.

2 июля 1985 г.

Береты и челки рубашки апаш
и парусиновые туфли начищенные мелом
веселых взрослых страна как блажной Сиваш
обмелела.

4 октября 1985 г.

Жду стихов цвета гречишного меда
желтовато-черной пены бьющейся о лоток
цветущего пожара на лугах и клеверных ливней
жду самого себя
исполу зашептанных вечерами ауканья и гуленья

26 июня 1985 г.

Нам душно в бытии для нас
в точке теперь
мы ищем восклицаний и вопросов
игры с загадками об имясловии
теплой вечеряющей воды тайны

когда разлетаются пушинки
с одуванчика солнца
и мы ловим их глазами и губами
21 октября 1985 г.

Клоун

В меня
оранжевого и белого
глаз прожектора голубой
круговая тьма бреднем
аплодисменты плотвой
я собираю рыбешек
в шутовской карман
сегодня расщедрился больше
закупленный карнавал
швырнут чтоб высохли жабры
рвал чешую песок
на крючке жалость
крутится колесом
скорей бы в омут домашний
выпустить рыб и цветы
и цирковые марши
праздника всех святых.
ноябрь 1985 г.

Дождей булькающая пенязь
пузырилась в лужах и пенилась
морем разлитым
кедрами ливанскими
щедрая беспроторица
для одинокого прозренья
гольшей простота
трын трава
воровское беспамятство грома
разгула молнии
идут на таран
сыпятся искр
гнутых и ломаных
крошки их подберет
тихий скряга Шешковский
6 июля 1986 г.

Передо мною середина века
щурясь вглядываюсь
в меловые следы на досках судеб
ты прекрасен и радостен

марафон времени называемый жизнью
которая чокается с нами
стаканами с лукавым вином
дарит женщин и детей
высаживает цветы книг
шепчет на ухо бессмертные слова
но я еще не все их расслышал
обошел не все цветники
собрал не все женские улыбки
и не весь детский смех
расплескал не все вино
по скатертям здравиц
передо мною середина века
доски судеб
на которых записан
вечер смерти глаз губ и дыхания
я верю тебе пастух времени
но все же
зачем я жил

ноябрь 1985 г.

Умирают в Кунцеве
последние
яблоневые сады
кончается срок купчих
не отсудить
екатерининских парков колонны
под настильным огнем засыханья
без почестей хороним
калечную армию

1 сентября 1986 г.

Кто швырнул нам
овальный рой пчел
солнце чернотолковое?
Первородный толчок
кто вложил
в пустоту баллисты?
Это твой херувим или черт
кинул россыпью
чернобыльскую
черную оспу
и мы в ступе души толчем
страхи царя Бориса.

24 сентября 1986 г.

У меня была душа кузнечика
уютно жилось ей
в полынной июльской жаре
она усыпляющее стрекотала
навстречу полдню
снилась мне и я смеялся
сейчас у меня душа кенгуренка
она вселилась в меня случайно
и до конца дней моих
ей полюбилось родниковое утро
бегущее вместе с ней
к муравчатому океану горизонта
к песням Дассена
к выпукло-коричневому глазу удивления
к бабочке дрожи
на незваной боязни
на неожиданном испуге
19 октября 1986 г.

Собрал с губ предновогодней ночи
снег улыбки
ведь догнал Одиссей черепаху
Улисс приручил улитку
31 декабря 1986 г.

Взлетная полоса
Он приготовился к разбегу
он приготовился к прыжку
туда
где ветра сириин белый
играет шкурками секунд.
3 мая 1987 г.

Зачем душе нужен сад?
Чтоб развешивать на кустах розы
сдавать квартиру прохладе
а теням собирать свой гербарий
чтоб нашлось место для гнезда малиновки ветра
и корма для гусениц и улиток терпения
живущего тихой щедростью
узнающего себя инобытия
сентябрь 1988 г.

Лишь бы погребли
в перелесках
среди сыроежек голубых
вровень с погребом земли
откуда бы я ходил по грибы
август 1986 г.

Поздно быть честолюбивым
пусть эту наживу заглатывают другие рыбы
поздно писать письма издалека
и тосковать о вине и хлебе
которые не увидеть
на празднике будущих глаз
поздно тщеславиться радуясь
нулевым отметкам на термометрах
писцов департамента словесности
пусть они благодушествуют
разглядывая под микроскопом
мазки своей амебной поэзии
поздно быть алхимиком
эта профессия умерла
вместе с верой в живую воду
и хозяйку Медной горы
поздно слепнуть
над претворением пяти элементов
и пяти стихий
в правду и кривду
зло и добро
поздно хлопотать о визе
в тридевятое царство
собирать лакомые книги
от них еще пуще
воркует голубиная тоска
поздно слушать вальсы
отца и сына Штрауса
вальсы Святого Духа
август 1986 г.

Игорю Клюканову

По щедрински
желчная метель
утюжит Тверь
клеенкою мороза
обита
городская дверь
на стенах расплескалась

кремовомолочно
неторопливая морока
похрустывает ледостава карамель
и ей не вытаять и за три моря
была и есть и будет
лишь твердь и Тверь.
12-13 декабря 1986 г.

Из цикла «Янтарные бусы для тебя»
Веревкой, свитой из женских волос можно наложить пути на быка
сандаловым свистком вырезанным из женской сандалиии
можно приманить оленя
я понял это глядя на твою ликующую темную красоту
брошенную мне рукой времени.
25 декабря 1985 г.

Твои стеклянные бусы холодны и нерадостны
подарю тебе янтарные
для тепла веселия и от сглаза
их карие горошины стихами Баратынского.
сентябрь 1988 г.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23.05.2021

Дата принятия к печати: 24.06.2021

Сведения об авторе:

Дмитрюк Наталья Васильевна – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета.

Контактная информация:

160012, Казахстан, г. Шымкент, ул. Байтурсынова, 13, Южно-Казахстанский государственный педагогический университет

ORCID: 0000-0002-8527-0338

e-mail: nvdmitr@yandex.ru

Для цитирования:

Дмитрюк Н.В. «И это все о нем» // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 10–19, doi 10.30982/2077-5911-2021-48-2-10-19

UDC 81.23
LBC 81
DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-10-19

Essay

“AND IT’S ALL ABOUT HIM...”

Natalia V. Dmitryuk

South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, Kazakhstan

Abstract

The proposed essay is a memoir about Yuri Alexandrovich Sorokin – the scientific supervisor of the author’s PhD thesis during her postgraduate studies, which is accompanied by a small selection of poems by Gleb Arsenyev (the creative pseudonym of Yu. A. Sorokin).

Keywords: Yu. A. Sorokin, ethno-, psycho-, sociolinguistics, associative reactions, neo-psycholinguistics, poetry, verlibr, spirituality

© Dmitryuk N.V., 2021

Bionotes:

Natalia V. Dmitryuk – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature of the South Kazakhstan State Pedagogical University.

Contact information:

13 Baitursynova str., South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, 160012, Kazakhstan

ORCID: 0000-0002-8527-0338

e-mail: nvdmitr@yandex.ru

For citation:

Dmitryuk, N.V. (2021) And it’s all about him... Journal of Psycholinguistics. 2 (48), pp. 10–19. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-10-19 (in Russian)